

ФЕДОР СОЛОГУБ

ТЕТРАДЬ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕТА

(Публикация М. М. Павловой)

«Тетрадь последнего лета» — заключительное звено в полувековом творческом пути Федора Сологуба (Ф. К. Тетерникова, 1863—1927), одного из крупнейших русских символистов.

Весной 1927 г. у писателя обнаружили признаки склероза сердца и болезнь почек, вскоре его положили на обследование в больницу. О. Н. Черносивитова¹ вспоминала: «В больницу имени Первухина я помещала Ф<едора> К<узьмича> летом 1927 года для общего обследования всего организма (был плох и никакие лечения и доктора не помогали). Там провел около месяца, был страшно недоволен, ворчал, еле дождался конца исследований (не давших ничего определенного — склероз и м<ожет> б<ыть> рак легких?)».²

Болезнь быстро прогрессировала, с 24 июля началось резкое ухудшение, Сологуб перестал вставать с постели. Во время болезни он продолжал работать.

Приблизительно за год до предсмертного недуга он рассказывал П. Н. Медведеву о своих творческих планах, не без горечи сознавая,

¹ Черносивитова Ольга Николаевна (урожд. Чеботаревская; 1872—1943) — свояченица Сологуба, в доме О. Н. и Н. Н. Черносивитовых писатель провел последние годы (1921—1927); автор биографического очерка и воспоминаний, см.: Черносивитова О. Н. Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. заметка, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 221—249.

² Черносивитова О. Н. Материалы к биографии Федора Сологуб. С. 249. Госпиталь скорой помощи им. Первухина располагался на Большом проспекте Петроградской стороны (дом № 100). Вероятно, в записи Сологуба (см. с. 1000—1001): Б. д. б. — больница для бедных.

что времени на их воплощение у него уже не остается. В ответ Медведев заметил: «Подлинный творческий замысел способен продлить жизнь. Творчеством можно обмануть смерть». Сологуб подхватил его мысль: «Ну да, конечно. Это будет так. Стук в дверь. Кто там? — Это я. Азраил. — Ах, это вы, Азраил Херувимович? Простите, принять не могу. Я очень занят. Пишу роман перестановок. — Ну, ладно. Пиши, Федя, так и быть. Приду через годик».³

До настоящего времени были известны лишь отдельные стихотворения Сологуба, написанные в предсмертные месяцы (среди них его последний шедевр — «Подыши еще немного...», 31 июля 1927 г.). «Тетрадь последнего лета» дает более полное представление о его позднейших начинаниях, незавершенных и законченных произведениях. Все записи в тетради сделаны карандашом. Она содержит набросок экспозиции к ненаписанной трагедии «Мелкий бес», сатирическую пьесу «Комод», несколько первых страниц задуманного научно-фантастического романа «Индукция», рассказ «Архиерей с погоста», зарисовки дневникового характера, записи галлюцинаций, а также начало второй главы незавершенного романа в стихах «Григорий Казарин».⁴

Взятые в отдельности, все эти тексты едва ли обладают самостоятельной художественной ценностью, они приобретают значение лишь в совокупности, как фрагменты «Тетради последнего лета», занимающей свое определенное место в контексте творческого пути и биографии писателя.

Тетрадь открывает набросок «Мелкий бес. Трагедия». В 1925—1926 гг. Сологуб вынашивал план создания новой версии одноименного романа, к тому времени уже утвердившегося в статусе классического произведения. В одной из бесед с Медведевым (1926) Сологуб заметил: «Нельзя переделывать литер<атурные> произведения в драматические. Можно только *создавать* из литер<атурного> материала, как материала первичного и сырого, драму. Вот — почувствовать Достоевского не как человека, а как бога, взять его романы как основной миф и со всем, достойным божества, радением создать из этого пьесу».⁵ Вероятно, Сологуб имел при этом в виду и собственную неудачную переделку романа «Мелкий бес» (1907) в драму (1909).⁶ Как подавляющее

³ Медведев П. Н. Записи бесед с Федором Сологубом (1925—1926). Частное собрание.

⁴ Первая глава незавершенного романа в стихах «Григорий Казарин» («Дана поэту в дни страданий...»), начатого 30 мая (12 июня) 1920 г., опубли.: Стрелец. Сборник третий и последний. СПб., 1922. С. 1—7.

⁵ Медведев П. Н. Записи бесед с Федором Сологубом (1925—1926).

⁶ См. об этом: Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Федор. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 807—820 (серия «Литературные памятники»).

большинство позднейших замыслов, его новый план осуществлен не был, и тем не менее очередное обращение писателя к «Мелкому бесу», в последние месяцы жизни, факт примечательный. Возможно, в период предсмертной болезни он переосмыслил роман как индивидуальный миф — трагедию Передонова как трагедию Сологуба.

Среди масштабных замыслов писателя позднейшего времени — научно-фантастический роман «Индукция». Сохранился лишь маленький набросок произведения (пять страниц текста⁷) с завязкой сюжета: профессор одного из американских университетов Ричард Кроуфорд (главный герой) по собственному желанию погружается в летаргический сон на тысячу лет, чтобы отдохнуть от жизни, затем просыпается и начинает осваиваться в новой цивилизации, примечая в ней отголоски прошлого («старомодную жестокрылую алюминиевую стрекозу» — самолет? «подвижной тротуар» — эскалатор? загорелые босые ноги случайной прохожей, гигантскую статую Мадонны — «все это казалось Кроуфорду несогласным с цивилизацией века»).

Мотив летаргического сна, знакомый Сологубу по западноевропейской утопической литературе, к которой он всегда проявлял особый интерес,⁸ встречается также во фрагменте начатого и незавершенного романа «Богдыхан» (1918—1922; в этом тексте приведена авторская классификация утопий и антиутопий⁹) и ранее — в «Творимой легенде» (1907—1913): эпизод воскрешения Триродовым Егорки может быть интерпретирован как пробуждение от летаргического сна. Обращение Сологуба в преддверии завершения жизненного пути к теме мнимой смерти («Богдыхан», «Индукция»), вероятно, было не случайным: он хотел, хотя бы в своих творческих фантазиях, иметь надежду на возвращение — еще на одну жизнь.

Медведев вспоминал: «Сологуба давно занимают романы со смещенной истор<ико>-бытовой перспективой. <...> Первый его опыт в этом роде — „Творимая легенда“».¹⁰ Тема смещения исторических

⁷ Текст был переписан О. Н. Чернозитовой, копия приложена к тетради: л. 121—123.

⁸ Утопический проект социального устройства, о котором мечтает Василий Логин, герой романа Сологуба «Тяжелые сны» (1896), заимствован из романа американского писателя Эдварда Беллами (1850—1898) «Через сто лет». Этот роман был хорошо известен в России; в русском переводе книга выходила трижды под разными названиями: «В 2000 году» (1889), «Будущий век» (1899), «Золотой век» (1905).

⁹ См.: *Сологуб Федор*. Богдыхан. Эпизоды из романа, который может быть написан // РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 56.

¹⁰ Среди сохранившихся набросков на тему смещенной исторической перспективы, кроме начала романа «Индукция» (1927), — первая глава романа «Опостен» (1925—1926) (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 114), первая и вторая главы романа «Богдыхан» (1918—1922).

перспектив прослеживается не только в «Индукции», но и в сатирической миниатюре «Комод». Ее можно прочесть как гротеск или сатиру на советский режим, при котором усиленными темпами происходило измельчание быта (уплотнения, насаждение коммуналок и т. п.) и обезличивание человека (персонажи не имеют имен, они: *замрук, замручи-ха, помзав* и т. д.), или в метафизическом плане: как очередной авторский эскиз, наряду с прежними — романом «Мелкий бес» и повестью «Маленький человек» (1905), на тему о распылении мира — Энтропии.¹¹

На фоне мрачных или пессимистических текстов «Тетради последнего лета» светлым пятном выделяется фрагмент поэмы «Григорий Казарин. (Из ненаписанного романа в стихах)». Первая глава этого произведения была напечатана в 1922 г. в третьем альманахе «Стрелец», объединившем писателей и художников, оппозиционных власти, по определению Л. Троцкого, «внутренних эмигрантов»¹² (в издании принимали участие: М. Кузмин, В. Розанов, А. Ахматова, Л. Карсавин, Э. Голлербах, А. Лурье, редактор А. Беленсон, а также Ю. Анненков, М. Добужинский, Н. Альтман и др.).

Первая глава «Григория Казарина» открывается поэтическим кредо Сологуба, в котором невозможно не услышать интонации вольнолюбивой пушкинской лирики:

Дана поэту в дни страданья
Разнообразность новых тем
И ярких типов для созданья
Волнующих сердца поэм,
И дан завет: царящей ложью
Не осквернив стихов своих,
Противоставь насильству злых
Святую совесть, правду Божью.
Не терпит светлый Аполлон
Того, кто угождает власти;
Льстецов прожорливые пасти
Карает хриплым ревом он.
Да будет мой роман послушен
Единой правде. Равнодушен
К людской молве, спокоен я
И не лукава речь моя.¹³

¹¹ См.: *Венцлова Томас. К демонологии русского символизма // Венцлова Томас. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997. С. 48—81.*

¹² См. рец.: *Троцкий Л. Вне-октябрьская литература // Правда. 1922. 19 сент. № 210. С. 2.*

¹³ *Сологуб Федор. Григорий Казарин (Из ненаписанного романа в стихах) // Стрелец. СПб., 1922. С. 2.*

В следующей строфе Сологуб прямо называет образец, которому следует в своем поэтическом замысле: «Для стихотворного романа / Мне образец высокий дан. / Вам, несравненная Татьяна, / Я посвящаю мой роман».¹⁴ Творения Пушкина он считал для себя недостижимым идеалом, к которому, однако, продолжал стремиться всю жизнь (см. его статью «К Всероссийскому торжеству» по случаю Пушкинского юбилея 1899 г.).¹⁵ Высшей похвалой поэтическому мастерству Сологуба, которая когда-либо произносилась, были слова А. Блока в рецензии на восьмую книгу стихов «Пламенный Круг» (1908): «Простота, строгость, совершенство форм и какая-то одна трудно уловимая черта легкого, шутливого и печального отношения к миру роднит Сологуба-поэта с Пушкиным. Нелегко продолжать это сравнение, чувствуя Сологуба и сологубовское глубоко близким и современным себе; но, может быть, я не ошибусь, если скажу еще, что Сологубу, как Пушкину, свойственно порою шутить и забавляться формами...».¹⁶

Сологуб воспринял от Пушкина форму романа в стихах (хотя «онгинской строфой» не воспользовался: «Григорий Казарин» написан 16-стишными строфами). Первая глава содержит вступление к поэме, в начале второй происходит завязка сюжета: встреча Григория с Ириной. С женским именем Ирина у Сологуба связывались романтические воспоминания, отозвавшиеся в стихотворении 1892 г. «Ирине» («Помнишь, милая, ту осень...»)¹⁷ и автобиографическом рассказе «Помнишь, не забудешь» (лейтмотив повествования — слова героя, обращенные к рано умершей первой жене: «Помнишь, Иринушка, эту первую осень, беспросветную, холодную, мокрую, злую?»).¹⁸

За несколько дней (с 19 по 30 апр.) Сологуб написал 16 строф второй главы, окончив ее лирическим рассказом о чувствах, переполнявших влюбленного Казарина. Но даже эти жизнеутверждающие патети-

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Сологуб Федор*. К Всероссийскому торжеству // Пушкин. Pro et Contra: Антология. СПб., 2000. Т. 1. С. 343; впервые: Мир Искусства. 1899. Т. 2, № 13—14. Подробнее о восприятии Сологубом творчества Пушкина см.: *Павлова М. М.* Творческая история романа «Мелкий бес». С. 705—715 (главка «С „подсказки“ Пушкина»).

¹⁶ Впервые в составе статьи «Письма о поэзии»: Золотое Руно. 1908. № 7—9. С. 97—99. Текст рецензии воспроизводится по изданию: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5 / Подгот. текста Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской. С. 286.

¹⁷ *Сологуб Федор*. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. 13. Жемчужные светила. С. 43—45; впервые (без заглавия): Петербургская жизнь. 1897. 13 июля. № 245. С. 2055.

¹⁸ *Сологуб Федор*. Книга стремлений. Рассказы // Собр. соч.: В 20 т. СПб., 1914. Т. 12. С. 283. В. П. Абрамова-Калицкая вспоминала: «В Вытегре мне конфузливо намекали на какую-то незаконную любовь Федора Кузьмича» (Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 279).

ческие строки в контексте «Тетради последнего лета» окрашиваются грустью: в них чувствуется ностальгическая тоска по безвозвратно ушедшей молодости, здоровью и красоте, способности любить, желать, наслаждаться дарами природы и, вероятно, предчувствие, что его «пушкинский» роман в стихах останется незавершенным.

Последним законченным сочинением Сологуба стал рассказ «Архирей с погоста» (одна из самых зловещих фантазий писателя), в большей степени напоминающий предсмертную галлюцинацию, чем художественную миниатюру. Рассказчик повествует о ночном кошмаре, посетившем жителей древнего Сафата: по улицам и площадям города проносилась карета (или призрак кареты), которой правил возница-Смерть.

Топоним Сафат в прозе Сологуба имеет определенный эмоциональный ореол, связанный с семантикой слова; его происхождение восходит к библеизму: Иосафатова (Иосафатская) долина близ Иерусалима — место, где, по преданию, будет совершаться Страшный суд при кончине мира.¹⁹ С символическим значением Сологуб использовал топоним в романе «Мелкий бес» (1907) и в одном из самых жестоких, мрачных пессимистических произведений — повести «В толпе» (1907),²⁰ материалом для которой послужили события на Ходынском поле 18 мая 1896 г., в день коронации Николая II.

О Сафате упоминается в «Творимой легенде», а также в единственном сохранившемся фрагменте позднего романа «Опостен» (1925—1926), «прошитом» автобиографическими мотивами. О главном герое — «беллетристе символической школы» Среброве сообщается: «В прошлое лето в усадьбе близ знаменитого города Сафата он с начала мая до середины октября ходил босой».²¹ Летние месяцы 1915—1922 гг. Сологуб проводил в усадьбе Княжнино на Волге под Костромой, где даже в поздние годы «часто ходил босиком в город, делая по 7 верст и возвращаясь с мешком за плечами, нагруженный хлебом и другой снедью».²² В подробном описании древнего Сафата в «Архирее с погоста» вполне узнаваемы приметы Костромы (город основан в XII в. («древний»); Самородина-река, очевидно, Волга, Сафатский монастырь — вероятно, Ипатьевский и др.). Знаковая топонимическая коннотация двух поздних текстов позволяет прочитать последнее

¹⁹ См.: Энциклопедический словарь, изд. Ф. Брокгауза—И. Ефрона. СПб., 1894. Т. 13-а. С. 755—756.

²⁰ *Сологуб Федор*. Собр. соч.: В 20 т. СПб., 1914. Т. 7. Дни печали. Рассказы; впервые: Новая иллюстрация. 1907. 5 и 19 февр. № 3 и 4; Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 26 и 27 окт. № 9865 и 9867.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2.

²² *Черновитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба. С. 231.

сочинение Сологуба в автобиографическом ключе — как прощание с жизнью и устремление навстречу приближающейся смерти.

Все без исключения фрагменты «Тетради последнего лета» несут на себе печать физических страданий и мыслей о скором завершении жизненного пути. Это ощущается не только в законченных текстах и набросках, но и в записях галлюцинаций («Белая дама»), в филиппиках Сологуба, обращенных к докторам («Больница», «Врачи»). О. Н. Черносвитова вспоминала: «В то время, когда у Ф<едора> К<узъмича> начались самые жестокие страдания в сентябре 1927 г., когда дыханье было так мучительно, что он не находил себе места и положения, не мог спать, не мог есть, п<отому> ч<то> первый же глоток вызывал усиление одышки, он силою своей мечты побеждал эту жестокую действительность».²³

Сологуб понимал, что ему оставалось жить считанные дни. Возможно, по этой причине он оформил творческую рукопись в виде дневных записей, снабдив каждую страницу текста датировками (первая запись датирована 19 апр. (2 мая), последняя — 10 (23) сент. 1927). Тетрадь открывает набросок — «Мелкий бес. Трагедия», а завершает апокалипсическая миниатюра «Архиерей с погоста», датированная: 10 (23) сент. 1927 г. Из 123 листов тетради 94 остались незаполненными. 5 дек. 1927 г. Сологуба не стало.

«Тетрадь последнего лета» Ф. Сологуба печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 555, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала.

Л. 1—1 об.

М<елкий> б<ес>. Трагедия

Первая картина

Трехъярусная сцена, изображающая площадь и городской собор, гостиный двор, городскую улицу.

Через город постоянно проносится ветер, и поднимает тучи серой пыли. Пыль то тускнит виды и предметы, то, разрываясь, кажет все в особо резких, лубочных красках и в нелепо-искаженных, падающих, хромых и кривых очертаниях.

Верхний ярус очень высоко. Площадь понижается бугристо к правому краю сцены. От собора зрителям видна паперть, ограда и низкая

²³ Там же. С. 243.

часть здания. Собор сильно наклонился влево, так что удивительно, как он держится; паперть и ограда — тоже. Стены собора — белая штукатурка с блеклыми лиловыми, зелеными, розовыми росписями. Порою штукатурка осыпается.²⁴

Второй ярус — гостинный двор. Белый. Грязные своды. Лавки замкнуты громадными замками. У каждой лавки — купец и его жена. Румяны, толсты. Одеждой серы, мучно-пыльны. Все чем-нибудь нелепы, косолапы, стоят в искаженных позах. Зубы и пузы — чрезмерны. Расклавиваясь с идущими по улице.

Л. 3—11

**<Григорий Казарин>
Начало второй главы²⁵**

1

Лишь только тот, кто сердцем молод,
Нашел бы верные слова,
Чтоб рассказать про вешний холод,
Про лед, разрушенный едва,
Про набуханье темных почек,
Про легкий всход наивных трав,
Сплетающихся в сеть мурав,
Про первый беленький цветочек,
И про донесшийся Бог весть
Откуда, ласковый, кристальный,
Нездешний благовест пасхальный,
В котором обещанье есть,
И есть томленье, но и радость,
Ну, словом, про такую сладость,
Которую дарит одна,
Одна для каждого, весна.

1) 19 апреля (2 мая) 1927. Б. д. б.

2

Не любит сердце повторений,
Да и не знает их оно.

²⁴ Далее на обороте сверху (л. 1 об.) рисунок карандашом — набросок трех уровней сцены.

²⁵ Впервые без указания источника: *Сологуб Федор*. Собр. стихотворений: В 8 т. СПб.: Навьи чары, 2003. Т. 8, ч. 1. С. 279—294.

Минувшее в обитель теней
К иным мирам унесено.
К нам тени падают другие
На пережитки прежних дней;
Все больше груз, и тяжелей
Качели движутся тугие.
Фиалка, ландыш и левкой
Уже благоухают глухо,
Уже невнятен стал для слуха
Пасхальный лепет за рекой.
Весна любви была однажды.
Не утоливший первой жажды
Из первых робких родников,
Не знает самых верных слов.
2) 19 апреля (2 мая) 1927. Б. д. б.

3

Умей же каждый миг приветить,
И светлый день себе готовь.
Не опоздал Казарин встретить
Свою весну, свою любовь.
Из города уехать рано
Его увлек веселый рок.
Прилег отцовский хуторок
На склоны древнего кургана.
Внимание делила мать:
Хозяйство утром; вечер близко,
И вот опять она марксистка,
И спор готова продолжать.
Отца совсем не занимали
Теории; он шел подале
С винтовкой меткою своей
Бить на току тетеревей.
3) 19 апреля (2 мая) 1927

4

Стояла тихая погода.
Весна сияла и цвела.
Иная, легкая свобода
Теперь Казарина звала,
Свобода без горячих споров,
В которых прошлою зимой

Весь пыл уж он растратил свой.
Бежал он долгих разговоров
О том, что в книге прочтено,
Что украшало том журнала,
Что перспективы открывало,
Что было остро и умно.
Нередко, кстати, были гости.
Он полемической их злости,
Кончая ужин, не дразнил,
И незаметно уходил.

4) 19 апр<еля> (2 мая) 1927

5

Доволен краткою прогулкой,
Он в сладкий погружался сон,
А утром дальний, легкий, гулкий
Ему пасхальный снился сон.
Он обегал поля и рощи.
Березок клейкие листы
Ласкал рукой. В полях кусты
Под нежным пухом были тощи.
Вода речная холодна.
В прозрачной млечности тумана
Еще купаться было рано,
Но так манила глубина!
В воде дышала грудь широко,
А выйдет, — солнце от востока,
Хоть и не жаркими, а все ж
Лучами разгоняло дрожь.

1) 20 апр<еля> (3 мая) 1927

6

Земля мягка. Травы росистой
Прикосновенья холодны.
В лазури беспредельно-чистой,
Как гребни легкие волны,
Скользят гряды летучих тучек.
Под ясным небом голубым
Иди себе путем любим, —
Здесь нет крапивы и колючек,
И вешний холод веселит
Под обнаженными стопами,

И вот горячими лучами
Уж солнце кожу золотит.
Постой на теплых досках моста,
Смотри, как радостно и просто
Весь кругозор твой облекли
Очарования земли.

2) 20 апр<еля> (3 мая) 1927

7

И все вокруг легко и зыбко,
Кружится томно голова.
Как за улыбкою улыбка,
В устах слагаются слова.
Не остается сердце немо, —
Всему даешь ты имена,
И воскресают времена
Первоначального Эдема.
Как на Синае древнем куст,
Томится сердце и трепещет.
Все, пламенея словом, блещет.
Эдем твой не пребудет пуст.
Огнезвучащие скрижали
Ты понесешь в земные дали,
И прочитает их она,
Огневенчанная Весна.

3) 20 апр<еля> (3 мая) 1927

8

Пищит комар новорожденный, —
И рад бы жалить он, да слаб, —
А ночью слышны в луже сонной
Признания влюбленных жаб.
Березки белые все слаще
Роняют лепеты ветвей,
И первый, робкий соловей
Уж над рекой затренькал в чаше.
Улыбкой теплится лицо
Девушки милой в легком дыме.
Спросить пора б: — Как ваше имя? —
Всходя на тихое крыльцо.
А может быть, она знакома,
И здесь живет, в уюте дома

В усадьбе за рекой; река
Пред ней мелка и широка.
4) 20 апр<еля> (3 мая) 1927

9

Студент Казарин, что бояться?
Там не враждебная земля.
Коль станешь в брод перебираться,
Не осмеет тебя земля.
Смотри: изгибисто и тонко
Река торопит струи; брод
На свой песок прохожих ждет,
И, кажется, смеется звонко.
Сюда проворно перешла
Девушка, ближняя крестьянка.
Какая легкая осанка!
И как по холодку мила!
Иди и ты, и в краткой встрече,
Лишь взором обменявши речи,
Узнаешь, может быть, она ль
Звонящей песней кличет даль.
21 апр<еля> (4 мая) 1927

10

Казарин вспомнил, что, недавно,
К обеду возвратясь с полей,
Себя он чувствовал так славно,
Так весело, что веселей
И не был никогда. В чем дело?
Себе отчета не дал он,
Но, в размышленья погружен,
Или в мечтанья, вечер целый
Все в тех же он блуждал местах,
И возвратился он усталый,
Немного скучный, томный, вялый,
С досадой странною в глазах.
Уж стал для утренних прогулок
Хорош не каждый закоулок:
Роса ль блистала, дождь ли шел,
Он все одной тропинкой брел.
26 апр<еля> (9 мая) 1927

Мост перешедши, по дороге
 Недолго шел; потом лужок
 Пересекал, и в тихом логе
 Через узкий прыгал ручеек.
 Некруто тропка поднималась.
 Опять поля, и ширь, и даль,
 Где древнерусская печаль
 Опять смущенно улыбалась.
 Правее длинный шел забор,
 За ним сады. Близ огорода
 Калитка прочная для входа.
 За ней в глуби виднелся двор
 С постройками. На нем качели,
 Там белый дом. Внизу блестели
 Под солнцем зеркальца реки
 Да прибережные пески.
29 апр<еля> (12 мая) 1927

Где за калиткою рябина
 Вся вешней белью зацвела,
 Недавно слышал он: — Ирина!
 Куда же ты опять ушла? —
 С террасы в сад сходила дама,
 Легка походкой и свежа.
 Посмотришь, видишь, — госпожа;
 Послушаешь, — конечно, мама.
 Ирина к матери своей,
 Поспешно косы доплетая,
 В тунике палевой, босая,
 Бежала по пескам аллей.
 Ждала ли, нет ли нежной встречи, —
 Суровые неслись к ней речи:
 — Непослушание и лень!
 Одно и то же каждый день.
1) 30 апр<еля> (13 мая) 1927

— Но здесь не город: всем проказам
 Уж я не стану потакать.
 Еленку и тебя я разом

Приструню, — будете вы знать! —
За старой вишнею Еленка,
Одета так же, как сестра,
Не смея так же быть быстра,
Таилась, как под веткой пенка.
Ирина слушала разнос,
Пред строгой матерью, краснея,
Оправить пояска не смея,
Забыв о ленточках для кос,
И говоря: — Прости!.. Не буду...
Я живо соберу посуду...
Анюта, Даша, — где их взять!
Пошли белье прополоскать.
2) 30 апр<еля> (13 мая) 1927

14

Казарин! Как же это можно
Подслушивать в семье чужой,
Да еще так неосторожно!
За тыном профиль свой укрой.
И что б тебе открыли взоры?
Там, за улыбками кустов,
Уж светел шелест голосов:
Пришел конец недолгой ссоры.
Когда прощенья просит дочь:
— Прости на первый раз! — и голос
Так нежен, словно в нем боролась
Вся наша солнечная ночь
С вселенскою безмерной мглою,
Пусть будет первою виною
Тогда проказница грешна,
Да, все равно, уж прощена.
3) 30 апр<еля> (13 мая) 1927

15

И он спешил в тени забора,
Все ускоряя добрый шаг.
Хоть длинным был забор, но скоро
Он подошел к углу. Овраг
Пересекал и здесь дорогу;
Кустарник по бокам темнел,
Ручей на дне звенел и пел.

Сошел Казарин понемногу,
Хватаясь за кусты рукой,
Не раз шепнув себе: «не падай!»
Там славной веяло прохладой.
Но, очутившись пред рекой,
Теплом и светом вдруг охвачен,
Он был немного озадачен:
Здесь, под усадьбой ли, пройти?
Другого ль поискать пути?

1) 1 (14) мая 1927

16

Но дальше там он видит: лодка!
В песок вжимая два весла,
Девушка дремлет. Вот находка!
Она его перевезла.
Домой он шел кустами, лугом,
Одной деревней и другой,
Проселком, тропкою лесной,
Ну, словом, очень долгим кругом...
Всю ночь Казарин за кустом
Сидел на камне возле брода;
Но от заката до восхода
Всё трепетало темным сном.
Вдруг за рекою зазвенели,
Как звуки звонкие свирели,
Слова и песня. Кто-то пел,
Когда восток уже алел.

2) 1 (14) мая 1927

Л. 10

Больница

Гостиница (харчевня, шинок, въезжий двор, постоялый двор...
...отель), тюрьма (холодная, каталажка, кутузка, острог, предварилка,
пересыльная, одиночка, каторга... камера смертника).

Сочетание гостиницы и тюрьмы — больница, самое ненавистное из
всего, придуманного мстительным и холодным разумом озлобленного
человечества.

Алчные содержатели корчем, грубые темничные стражи, — далеко
вам до сладко-злых больничников.

Ивиковы журавли²⁶ уличают дорожных убийц, но не найдется и ко-мара пропищать об убийцах больничных.

Смертник тюремный знает, за что умирает, — но за что умирает больничный смертник?

Это — в большом. А в малом — какая грязь и тошнота!

Какой тюремщик набросится на заключенного с вопросом:

— А ты мочу собираешь?

12 (25) мая 1927

Л. 10 об.—11 об.

Врачи

В старой литературе медик — фигура комичная и вредная. Самоуверенный шарлатан. Но верили, и лечились. Надо же верить! Да и жить хочется. Когда появились светлые личности и, вообще, интеллигентская литературная слякоть, либеральная и радикальная, врачи, особенно, если они студентами резали лягушек, выиграли и в жизни, и в литературе.²⁷

А поладить с людьми врачи все же не могут. Читаем: там побили, там и вовсе убили. Врачи и коры [так!] сердятся, суд приговаривает, а клистирное семя, вызывая к судам и к печати, все не хочет услышать тысячелетнего вопля:

— Врачу, исцелился сам!

Бывали, и в наше время есть, превосходные врачи, одушевленные настоящей любовью к страдающему человечеству. Но мнение о каждом классе, о каждой группе люди составляют не по хорошему большинству, а по дурному меньшинству. Хорошие качества, — так и надо, а плохие — что за безобразия!

Жалуемся на хулиганов, — но как бы взвыли, если бы число хулиганов нашего города равнялось хотя только одному проценту населения!

Помню, в 80-х годах прошлого столетия был в городишке Крестцы — 3000 жителей, — золоторотец (еще не знали слова хулиган) Яшка, — один (1/300!) — и терроризировал весь город.²⁸

²⁶ *Ивиковы журавли* — знак неминуемой гибели; выражение основано на легенде о царе Ивике, который перед смертью увидел в небе журавлиную стаю и услышал ее клич; см. стихотворение Ф. Шиллера «Ивиковы журавли».

²⁷ Возможно, имеется в виду А. П. Чехов.

²⁸ В 1882—1885 гг. Сологуб служил учителем в Крестецком городском народном училище Новгородской губернии. Сюжет, связанный с золоторотцем, как и многие другие события крестецкой жизни, отражен в автобиографическом романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны» (1883—1892; первое отд. изд.: СПб., 1896).

Менее одного процента клистирмахеров, цинико-оголителей и садистов достаточно, чтобы врачи сохранили свою средневековую репутацию. А откуда берется этот менее чем процент медицинской ипекакуаны.²⁹

Недавно слышал я, что при осмотрах в комиссиях девушек, отправляемых на курорты, их оголяют и потом гонят от одного врача к другому голышами по комнатам и коридорам. А недавно в некоем превосходном медицинском учреждении сидел я рядом с тремя молодыми девицами, из которых ближайшая ко мне деловито говорила:

— Два дня голая проходила. Ну да зато мне всегда курорт помогает.

И постепенно убедился я, что все эти медотвраты, навлекающие народную ненависть на все сословие, вот чем определяются:

Резать лягушек или полуживых людей, слушать с удовольствием визг вивисекций и стоны после операций, видеть как можно больше обнаженного тела, лезть без особенной надобности, но с отменным наслаждением в половые члены, ввести грубым осмотром в краску и в смущение нежную Кити,³⁰ и циничным бабьим окружением вогнать в стыдливую ярость молодого и сильного рабочего (видел в больнице и такую сценку) — все черты эротического помешательства...

3 (26 мая) 1927

Л. 12

Благословляю

Брошенный, как щенок за тощий зашеек в гнуснейшее из заточений, в больницу, — не нужный никому из живущих в обширной тюрьме <стран — ?>, — измученный одиночеством и тоскою, — слушая бестолочь бессмысленных шумов и стоны искромсанных ланцетами, — все же благословляю тебя, милая Изумрудная планета наша.

Быть может, во всех просторах Млечного Пути, ты, Изумрудная, одна родила человека, нелепого, несчастного и страдающего, и одна вместила в себе весь гордый разум Создания, — и лишь за непреступаемую чертою, в мире иных измерений твой сын встретит совершеннейшего...

²⁹ *Ипекакуана* — рвотный корень.

³⁰ Эпизод из первой главы второй части романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1877).

Да, встретит, потому что ты, Изумрудная, несешь на себе знаменование Надежды, и Алетею³¹ воздвигла ты.

Благословляю тебя, Изумрудная.

14 (27) мая 1927

Л. 12 об.—15

Индукция³²

Человек двадцатого века пожелал хорошенько отдохнуть, успокоить сердце, заснуть основательно, и проснуться в более подходящее для него время. Редко удается то, что хочешь, но у Ричарда Кроуфорда, профессора одного из новых университетов на Миссисипи, нашлись средства, — знания и деньги. Он проспал очень комфортабельно, пользуясь уходом (не от него, а за ним) его потомков, начиная от старшей дочери, тысячу лет, как одну ночь. Спал на 50 футов под землею, в очень роскошном подземном дворце, и проснулся наконец.

Около года знакомился он с жизнью людей в обширных областях по Миссисипи. Освоился. Великая Индуктивная Машина уже не поражала его. Но что сделаешь с тысячелетнею привычкою?

Нашел Мерседес, и после недолгой поездки, сделав какой-то поворот, миновав какие-то тяжелые ворота, отворенные по недосмотру, очутился в местностях иного характера и вида.

Если бы это случилось с Кроуфордом в первые дни после его пробуждения, местность показалась бы ему благоустроенным садом сладчайшей из Утопий. Небо, не закрытое прозрачайшими и прочнейшими стеклами, казалось безмерно высоким и широким. Легкие перистые облака жемчужились на востоке и севере, оставляя солнце, стоявшее на юго—юго-востоке 340°, совершенно ясным и ярким, и не обещающая дождя. Не обещал его и легкий ветер северо—северо-восток 205°, смягчающий зной летнего дня. Иногда легкая голубоватая пыль, 0,01% по весу и 0,00001% по объему воздуха, влеклась по дороге, широкое полотно которой было одето плотным сплавом, очевидно, уже вышедшим из употребления в областях высокой культуры, — Кроуфорд не знал его

³¹ *Алетейя* (греч.): истинная, справедливая. Возможно, образовано от: *Лета* (река забвения в царстве мертвых), здесь: незабвенная. В поздней лирике Сологуба в образе Алетейи персонифицируется Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921), жена писателя, 23 сент. 1921 г. покончившая с собой вследствие наследственной душевной болезни.

³² Даты в конце страниц: 16 (29) мая 1927; 17 (30) мая 1927; 18 (31) мая 1927; 19 мая (1 июня) 1927; 21 мая (3 июня) 1927.

названия. А по сторонам дороги лежали очень милые и наивные рощи, лужайки, холмы, поля и нивы, ручьи журчали, очень красиво оперенные птицы перепархивали, чирикая, с ветки на ветку, близко где-то мелодично куковала прячущаяся вешунья. На лугах, чище и глаже древних нидерландских, паслись натуральные, не музейные, коровы, редкие и громадные. Голый мальчик, придавив камнем толстый том иллюстрированной книги о жвачных, порою вскакивал на старомодную жестокрылую алюминиевую стрекозу, и облетал свое стадо.

Но Кроуфорд недаром прожил этот год в упорядоченной и великолепной совокупности, заменившей древнюю бестолочь городов больших и малых, поселков и ферм. И по досонным привычкам был он человек цивилизованный. То, что в древности называлось общественным мнением и выделялось на ротационных машинах, уже приучило его издавна к индуктированному поведению. Здесь он почувствовал смущающую расхлябанность, избыток свободы, чрезмерность наивной культуры, ненужную множественность одинаково-предстоящих возможностей. Вообще, неуютно. Надобно вернуться.

Он вспомнил, что дорога несколько раз сегодня разветвлялась. Он включил электромагнитный искатель, поставил его на 0 (домой), — Мерседес дрогнула и остановилась. Очевидно, искатель был здесь бессилен.

Кроуфорд определился по солнцу. Надо ехать на В<осток>-Ю<го>-В<осток>, 292°53'47,19856''..... К сожалению, полевой бинокль показал в этом направлении высокую гряду скал и ни намека на дорогу, которая вела бы в тот румб.

Кроуфорд улыбнулся смешной мысли, пришедшей ему в голову.

«Итак, — думал он, — придется, пожалуй, расспрашивать прохожих. Забавно!»

Но все же сперва он поискал указателей.

Да, кое-где, на перекрестках, старомодные стрелы и указательные пальцы, цифры, незнакомые Кроуфорду названия... Как незнакомые! Вдруг он вспомнил имя небольшого городка. Дорога туда и вела.

А по дороге впереди видна была светлая женская фигура. Она очень быстро шла по неширокой, удобной для пешеходов, плотной суглиняковой тропинке. Какая устарелая наивность! Тут же рядом виднелись по краям шоссе рычаги и стулья подвижного тротуара, но женщина или девушка не пользовалась и этим уже очень старым удобством, и предпочитала, с наивностью дикарки двадцатого века, звучно отшлепывать босые [так!], быстро мелькающие ноги о плотный суглинок. По быстроте и певучей легкости ее хода, вернее бега, казалось, что ее радует и веселит это свободное движение, никакой цивилизации не подчиненное.

Когда уже Мерседес догоняла торопливую, а Кроуфорд сильно замедлил ход, — хоть у нее справиться, — тоже справочное бюро! — новое явление удивило его.

На перекрестке двух дорог стояла статуя Мадонны, превосходное мраморное повторение работы знаменитого художника 23 века, Арнольда Поллинга. Статуя была раскрашена. Божия Мать, очень легко-одетая, покрытая медно-красным загаром, с высоты стройного своего роста склоняла к прохожим гибкую шею, и нежно улыбалось ее строго-американского типа лицо. Немного позади нее шел голый 12-летний мальчик, — homo americanus, — и сильными пальцами мял кусочек яркоцветной глины, — птичка уже была вылеплена и готовилась радостно вздохнуть и вспорхнуть.

Эмалевые глаза Мадонны с зеленовато-голубым зрачком с неизъяснимым выражением ласки смотрели на подходящую, — и женщина, приподняв немного юбку, склонила перед дивным мрамором матово-загорелые, янтарно блеснувшие нагие колени.

Точно итальянка двадцатого века — подумал Кроуфорд.

Женщина легко и быстро поднялась, перебежала дорогу, сделала несколько шагов по мягкой земле под травой; и опять пошла по суглинку тропки. Кроуфорд медленно догонял ее.

Он опустил глаза к ее ногам. Они теперь казались ему слишком загорелыми. Переходя через дорогу, она успела запачкать следки ног черною землею, которая еще не осыпалась и не обтерлась о сухую глину. Сверху стопы заволочены были темным глиняным налетом. Две-три травинки пристали к пяткам. Все это казалось Кроуфорду несогласным с цивилизацией века.

Но, окинув глазами всю ее фигуру до неплотно сложенных на затылке кос и увидев сбоку ее лицо, он почувствовал очарование непривычной ему красоты.

21 <мая (3 июня) 1927>

Л. 16

[Если болен, так терпи,
Словно узник на цепи,
А здоров, так наслаждайся,
И всего остерегайся.
И<ю>н<ь> 1927]³³

³³ Впервые: *Сологуб Федор. Стихи последних лет* / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 2. С. 172.

Белая Дама³⁴

Рассказ в трех планах: современник переживает почти одновременно жизнь предка и потомка. Тяжелая болезнь.

Иллюзии: белый колпак на лампе и др. предметы вместе кажутся дамой в белой маске.

Галлюцинация: белая дама прошла вдали и скрылась.

Все ближе, и остается все дольше.

Страх перед нею слабеет.

Вот она совсем близко, склоняется над ним, и он, измученный страданиями, узнает в ней Прекрасную Даму — Избавительницу.

И<ю>н<б> 1927

Л. 17—19

Комод

Пьеса в трех действиях

I

Большая комната; выделена жилплощадь на двоих, и еще несколько площадей. Замрук и его жена. Она — высокая, муж ниже ее. Рассматривают комод, только что купленный мужем.

Замручиха. — Очень я этим твоим комодом недовольна.

Столяр-сосед. — Ну-т-ка, разделявай его.

Жилец антресолей (доски, положенные на верхушки двух шкапов разной высоты, отчего жилплощадь поката) столяру басом. — Сейчас она муженьку прическу поправит, бабенка ехидная, — чуть что — вольисполком.

Замручиха. — А вы, гражданин, не выражайтесь.

Замрук жене. — Чем же, душенька, ты недовольна<?>

Замручиха. — Дурак! Мал!

Замрук. — Почему же мал? И куда же ставить, если большой взять?

Замручиха. — Дурак! Можно к потолку на кольцах вздернуть.

Помзав, чахоточного вида. — Ну, гражданин, это тоже не модель. Это — порча казенного имущества.

Замручиха, визжит. — Не ваше дело, гражданин!

Помзав, меланхолично. — Ну, там разберут.

Замручиха трусливо вздрагивает.

³⁴ Подробный рассказ о бытовой основе этого замысла см.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба. С. 241.

Замрук, трусливо поглядывая на помзава. — Ты обрати внимание: настоящее красное дерево, ведь без износа, и бронзовые украшения, стильная вещь!

Замручиха. — Дурак! Какой же тут стиль?

Замрук. — Ну, душенька, я не знаю, я не спец. Вообще стиль.

Замручиха. — Ну, и выходит, что насчет комода ты — дурак.

Становится темно. Проходят времена.

II

В той же самой комнате такое же по числу население, даже немного больше, разместилось гораздо удобнее.

Перед тем же комодом стоят *Владельцы*, муж и жена. Рост их обоих немного поменьше половины вышины комода.

Владельчиха. — Очень я этим твоим комодом недовольна.

Владелец, гордо. — Наследство по прямой нисходящей. Великолепная вещь! Красное дерево!

Вл<адельчи>ха. — По-моему, продать.

Вл<аделе>ц. — Ха-ха-ха! (несколько наиграно). — Дедушка только что помер, мы, по прямой нисходящей, получили его жилплощадь и это великолепное древнее, но несокрушимо прочное, сооружение. Полюбуйтесь на эту бронзу!

Вл<адельчи>ха. — Да как в верхний ящик поглядеть? Лесенку, что ли, подставлять.

Вл<аделе>ц. — Да, именно, лесенку! Как же в библиотеках с верхних полок достают? Обязательно с лесенкой. Он ногою пхнет, куда надо, а она сама катится на колесиках.

Вл<адельчи>ха. — Ну и выходит, что насчет комода ты — дурак.

Темнеет, проходят времена.

III

На той же площади разместилось просторно большое население. Люди очень малы, свободно проходят под комодом (он на четырех ножках). Старый комод обращен в великолепный деревянный небоскреб с магазинами, складами, конторами, квартирами, кинотеатрами и пр. Под комодом — затененный, просторный сад для прохлады летом, бьют фонтаны, новозлектрич<еское> освещение блещет ярче солнца. Верх комода разделан в сады и парки, в площадки для физкультуры и пр. необходимое и приятное.

Ряд сенок из будущей жизни в комод.

Разговор меж мужем и женою, жильцами комода. Жене не нравится, муж в восторге. Та же заключительная реплика жены:

— Ну и выходит, что насчет комода ты — дурак.

25 авг<уста> (7 (сент.) 1927

Архиерей с погоста³⁵

Рассказ

Однажды осеннею дождливою ночью жители города Сафата были охвачены внезапным страхом и необъяснимым, словно могильным, холодом. Они лежали, содрогаясь от ужаса, на своих постелях, прислушивались к легкому призраку колокольного звона, — и только на одном пути было несколько иначе...

Надо сказать, что Сафат — город губернский, кафедра архиепископа, город торговый, богатый, красивый, лежит на обоих крутых берегах Самородины-реки, через которую в пределах города перекинута три моста. Имеет достопримечательности, свой музей, своих чудаков, своих мудрецов, библиотеку, великолепный гостинный двор, первую-классную гостиницу с шантаном очень завлекательным, и многое другое.

Верстах в десяти от Сафата находится монастырь во имя Сафатской Божией Матери. Икона покровительницы монастыря чтится как чудотворная. Привлекает многих богомольцев. Хранится в богато украшенном киоте, в золотом окладе, унизанном жемчугами величины предивной и множеством драгоценных камней. В определенные дни вывозится в город на поклонение, а иногда и в другие города.

Монастырь имеет настоятелем самого архиепископа Сафатского и Туровского, а потому, ввиду богатого дохода с обители, и самая епархия считается одною из почетнейших, одной из переходных к экзархату или митрополии.

В просторечии монастырь иногда именуется Сафатским погостом: в его соборе и нескольких церквах погребены местные архиепископы, епископы, архимандриты и кое-кто из знаменитейших граждан, напр<имер>, погребен в одном из храмов генерал-фельдмаршал. Кладбище, где места дóроги, — но зато какие виды на окрестные дали открываются от каждой могилы! — наполнено гранеными и мраморными надгробьями лучших дворянских семейств в губернии. Один из красивейших участков с великолепным фронтоном склепа принадлежит потомству знаменитого разбойника Епанчи, очень богатым дворянам Епанчиным.

И вот, говорю я, тою осеннею ночью, с которой я начинаю мой рассказ, повинуюсь застарелой привычке начинать с начала, на одном

³⁵ Даты в конце страниц: 28 августа (10 сентября) 1927; 30 августа (12 сентября) 1927; 1 (14) сентября 1927; 8 (21) апреля 1927; 10 (23 сентября) 1927.

пути через город на жителей Проломной улицы, Варваринской площади, Надькина переулка, Стыдобинной улицы и Верхне-Никольской площади, где собор Николы, что на бору, призраки колокольного звона действовали иначе: поднимали их с постелей, и они подходили к окнам, дрожащими руками приподнимали край занавесок, и, прижимая белые от ужаса лица к стеклам, смотрели с провинциальным любопытством и суеверным ужасом на то, действительно жуткое, что проносилось перед ними. И так на всем этом пути имеющий живые очи видел бы во всех домах ряды бледных лиц.

Но смотрели ль на это проезжающие? Бог знает, а люди на утро толковали об этом и спорили.

По улицам, переулкам и площадям медленно проносилось нечто очень необычное, в дождливой мгле светящееся тусклыми, словно фосфорными, отблесками. Конечно, это была карета, ветхая, старомодная, изъезженная до того, что не понять было, как она держалась. Многочисленные раны прорех зияли на ней, колеса с поломанными спицами влеклись в разные стороны, верх кареты был помят, два фонаря у сиденья возницы давно потеряли свои стекла, шатались, и свечи в них то, казалось, погасали от дождя и ветра, то вновь светились, словно гнилушки. Вся карета казалась полуистлевшею и как бы и крытою ржавым и землистым налетом.

На козлах, страшно завалившись назад и еле удерживая перегнившие вожжи костлявою рукою, сидел возница, и лица его не было видно, — шляпа, изломанная, дырявая, ветхая, глубоко надвигалась на голову, и черный, рваный ворот капюшона цвета мокрой глинистой грязи почти доходил до обвисших полей шляпы. Нос бы можно было увидеть, но и его никто не увидел. В другой руке его странно болтался по ветру длинный изогнутый бич, — призрак бича.

10 (23 сентября) 1927